

Около семи часов утра люди с пиками, руководимые марсельскими федератами, первые показались на площади Карусель, подступая к дворцу.

Час спустя заколыхалась и вся толпа. Во дворец к королю прибежали с вестью, что «весь Париж» идет на Тюильри.

И это был действительно весь Париж, но особенно весь Париж бедноты, при поддержке национальной гвардии из рабочих и ремесленных кварталов.

Тогда, около половины девятого, король, у которого еще свежо было в памяти воспоминание о 20 июня и заговорила боязнь быть убитым народом, покинул Тюильри по совету своих придворных и направился пешком через сад искать убежища в Собрании, предоставляя своим приверженцам защищать дворец и избивать нападающих. И как только король ушел, целые батальоны буржуазной национальной гвардии из богатых кварталов понемногу разошлись, избегая вооруженной встречи с поднявшимся народом.

Густая толпа народа быстро наводнила окрестности Тюильри, и те из толпы, кто был впереди, ободренные швейцарцами, которые при виде народных масс начали выбрасывать из окон дворца свои патроны, проникли в один из дворов Тюильри. Но в этот же момент другие швейцарцы, стоявшие под командой придворных офицеров на большой входной лестнице дворца, открыли огонь по народу и повалили в упор в несколько минут убитыми и ранеными у подножия лестницы больше 400 человек.

Это избиение решило исход движения. Теперь со всех сторон к Тюильри повалили толпы народа с криками: *«Измена! Смерть королю! Смерть австриячке!»* Все население предместий Сент-Антуан и Сен-Марсо массами двинулось ко дворцу, и швейцарцы, на которых народ набросился с ожесточением, были обезоружены или убиты.

Нужно ли напоминать о том, что даже в этот решающий момент Собрание колебалось и не знало, что предпринять. Оно начало действовать только тогда, когда вооруженный народ ворвался в залу заседаний, грозя убить тут же короля и его семью, а также и тех депутатов, которые не решались высказаться за низложение короля. Даже тогда, когда Тюильрийский дворец был уже взят и королевская власть фактически перестала существовать, жирондисты, некогда так любившие говорить о республике, не осмеливались предпринять ничего решительного. Верньо потребовал только *временного от-решения главы исполнительной власти*; его предлагалось теперь переселить в Люксембургский дворец. Так и было сделано.

Только два или три дня спустя революционная Коммуна перевезла Людовика XVI и его семью в башню Тамплъ, чтобы держать его там в качестве пленника.

Королевская власть была, таким образом, фактически уничтожена. Законодательному собранию оставалось только подчиниться. Теперь революция могла на некоторое время свободно развиваться, не боясь, что ее внезапно остановит переворот со стороны роялистов, избиение революционеров и водворение белого террора.

Для политиков главный интерес 10 августа заключается в том, что в этот день был нанесен удар королевской власти. Для народа же этот день был главным образом днем уничтожения той силы, которая противилась осуществлению декретов, направленных против феодальных прав, против эмигрантов и против священников, и ради этого призывала себе на помощь немецкое нашествие. Это был день торжества *народных* революционеров, торжества народа, получившего теперь возможность вести революцию вперед, в направлении равенства - всегдашней мечты и цели народных масс. И действительно, уже на другой день после 10 августа Законодательное собрание, при всей своей трусости и реакционности, издало под внешним давлением несколько декретов, двинувших революцию вперед.

На основании этих декретов всякий неприсягнувший священник, который не принес бы в течение двух недель присягу конституции и после этого был бы найден на французской территории, подлежал ссылке в Кайенну.

Все имущества эмигрантов во Франции и в колониях конфисковались и подлежали продаже мелкими участками; этого особенно добивались крестьяне, и этому противилось Законодательное собрание.

Всякое различие между «пассивными» (бедными) и «активными» (имущими) гражданами было отменено. Все граждане становились избирателями, когда достигнут 21 года, и избираемыми - в 25 лет.

Что касается феодальных прав, то мы видели, что Учредительное собрание издало 15 марта 1790 г. возмутительный закон, по которому все феодальные повинности рассматривались как пред-